

УДК: 904'39;15(477.7)''6383''

В.Ю. Мурзин

КИММЕРИЙЦЫ ЕВРОПЕЙСКИЕ И КИММЕРИЙЦЫ АЗИАТСКИЕ

В статье рассказывается о первых встречах автора с Алексеем Ивановичем Тереножкиным, которые определили его судьбу и профессию.

Ключевые слова: Алексей Иванович Тереножкин, Варвара Андреевна Ильинская, скифы, экспедиция.

Не скроем, заглавие данной работы навеяно названием известной статьи К.А. Акишева «Саки азиатские и скифы европейские», в которой этот выдающийся ученый убедительно доказывал, что, несмотря на все локальные отличия, скифы юга Восточной Европы и их культура вместе с савроматами, а также сакскими племенами Центральной Азии с присущими им соответствующими культурами, могут рассматриваться как единое культурно-историческое явление [Акишев, 1973].

Как нам представляется, подобный же феномен имел место и в позднейший предскифский период. К сожалению, мы не знаем названий кочевых племен, обитавших в Центральной Азии в этот период¹ в отличие от кочевников юга Восточной Европы, упоминаемых в письменных источниках под обобщенным именем «киммерийцы», поэтому будем называть первых условно «киммерийцами азиатскими».

Как известно, согласно выводам А.И. Тереножкина, культура исторических киммерийцев представлена памятниками типа Черногоровки — Новочеркасского клада. Ее хронологические рамки А.И. Тереножкин определил в пределах 900—650 гг. до н. э. Он также разделил

ее на два последовательных хронологических этапа: черногоровский (приблизительно 900—750 гг. до н. э.) и новочеркасский (около 750—650 гг. до н. э.) [Тереножкин, 1976].

По мнению А.И. Тереножкина, толчком к формированию культуры исторических киммерийцев послужил мощный восточный импульс, носители которого привнесли на территорию юга Восточной Европы новые формы конской узды — бронзовые и костяные трехдырчатые псалии, бронзовые стремячковые удила, а также бронзовые двулопастные наконечники стрел с ромбической или килевидной головкой, каменные антропоморфные стелы, связанные своим происхождением с «оленными камнями».

Последнее, как справедливо заметила Н.Л. Членова [Членова, 1975, с. 88], окончательно убеждает, что речь идет не о торговых связях (каменные статуи слишком тяжелые и большие, чтобы ими торговать, да и едва ли такой «товар» нашел бы спрос в чужой среде), а именно о продвижении населения.

Особое внимание А.И. Тереножкин обратил на то, что начало эволюции мечей и кинжалов киммерийского типа было связано с карасукскими кинжалами, которые были выявлены на территории Северного Причерноморья и стали прототипами этого вида киммерийского оружия [Тереножкин, 1976, с. 106, 132].

Таким образом, нам представляется вероятной такая картина событий, которые разворачивались на территории юга Восточной Европы в самом начале I тыс. до н. э. В это время здесь обитали ираноязычные племена эпохи поздней бронзы, которые были носителями Белозерской культуры. На этот местный субстрат накладывается мощный импульс чужеземцев с востока,

1. Прежде всего нас интересует территория современного Казахстана.

Рис. 1. Бронзовая бляха из кургана Аржан

Рис. 2. Бронзовая бляха из кургана Аржан 5

которые были родственны местному населению по языку, но привнесли с собой новые формы материальной культуры. Поскольку эти нововведения касались, прежде всего, вооружения и узды верхового коня, можно предположить, что чужеземцы были ранними номадами, что окончательно содействовало переходу к кочевому образу жизни обитателей восточноевропейских степей.

Другими словами, мы считаем, что формирование черноговорской культуры было следствием миксации первой волны носителей протоскифской культуры, которые проникли на территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья из восточных районов Евразии, и местного населения эпохи поздней бронзы [Клочко, Мурзин, 1987, с. 18].

В поисках прародины этих восточных пришельцев нельзя не упомянуть широко известный курган Аржан в Туве [Грязнов, Маннай-Оол, 1973; Грязнов, 1980] и обойти вниманием его датировку.

Вскоре после его открытия А.И. Тереножкин [Тереножкин, 1976, с. 210] уверенно синхронизировал его с черноговорскими древностями, опираясь, прежде всего, на находку в нем кинжала карасукского типа, а также деталей узды, морфологически близких черноговорским.

Однако, многих исследователей смущала находка бронзовой бляхи в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Кстати, совсем недавно в кургане Аржан 5, материалы которого еще не полностью опубликованы, но судя по всему, они синхронны материалам кургана Аржан, была найдена еще одна подобная круглая бляха (рис. 1; 2).

Все это привело к значительным расхождениям в датировке этого памятника [Савинов, 2002, с. 36—58]. Н.Л. Членова [Членова, 1997, с. 37] даже признала возможным датировать его VII—VI вв. до н. э.

Однако нам более близка позиция А.И. Тереножкина, с которым согласился и К.В. Чу-

гунов, объединивший аржано-черноговорские древности в единый хронологический пласт, который соответствует начальному этапу эпохи ранних кочевников [Чугунов, 2006, с. 69]. Кроме того, он включил в этот же пласт наиболее ранние памятники бийкенского культурного комплекса Алтая и раннетагарские памятники подгорновского этапа [Чугунов, 2006].

Что касается степей Северного Причерноморья и равнин Северного Кавказа, то на основе черноговорских памятников здесь прослеживается постепенное формирование новочеркасской культуры поздних киммерийцев, которая выглядит как чрезвычайно самобытное, и будто то бы закрытое для окружающего мира, явление [Тереножкин, 1976, с. 201].

Однако, успешное развитие киммерийской культуры было прервано второй волной протоскифских племен, продвинувшихся с востока [Клочко, Мурзин, 1987], и привнесших в западные районы Евразийской степи такие новые элементы, которые отсутствуют в новочеркасских древностях, как двулопастные бронзовые наконечники стрел, акинаки, антропоморфные статуи, прототипом которых, возможно, были «оленные камни» с личиной, наверхия, стремячквидные удила и трехдырчатые псалии, круглые зеркала с петлей на обороте, элементы скифо-сибирского звериного стиля. Исходя из древневосточных письменных источников, это событие должно было состояться в самом начале VII в. до н. э., во всяком случае, не позднее 70-х гг.

В поисках прародины европейских киммерийцев весьма заманчивым было бы также связывать их с носителями бегазы-дандыбаевской культуры (далее — БДК) Центрального Казахстана или, если точнее, территории Сарыарки. Тем более, что в памятниках БДК кое-где (но едва ли реже, чем в черноговорских) встречаются вещи карасукского типа [Маргулан, 1979]. Характер взаимодействия носителей БДК и карасукской культуры трактуется современными

исследователями по разному (см., напр.: [Киселев, 1951, с. 143—178; Маргулан, 1979, с. 333; Зданович, 1984, с. 23; Боковенко, 2011; Варфоломеев, 2011; Новоженев, 2012 и др.]), однако для нас особой сути это не имеет — в любом случае район распространения БДК был то ли исходной территорией карасукского импульса на запад, или, что нам представляется более вероятным — транзитной территорией, через которую проходил этот импульс.

Эта идея отнюдь не нова, однако ее признанию препятствует несколько немаловажных обстоятельств.

Во-первых, это несоответствие погребальных сооружений БДК, прежде всего мавзолеев, простым грунтовыми ямам, в которых похоронены черногоровцы. Однако, это противоречие может быть преодолено с учетом географического фактора — в отличие от территории Сарыарки, в северопричерноморских степях выходы камня встречаются довольно редко, а также тем, что среди погребальных сооружений БДК встречаются не только погребальные комплексы мавзолеевого типа, а и грунтовые ямы и грунтовые ямы с каменными ящиками [Бейсенов, Варфоломеев, 2008, с. 68].

Во-вторых, такому предположению будто бы противоречат: развитая поселенческая структура БДК (известны даже городища-протогорода типа Акрайма и Кента), значительная роль цветной металлургии (как известно, номады, мягко говоря, весьма прохладно относились к занятиям ремеслом — достойным делом каждого кочевника были выпас скота и война), а также заметная роль в составе стада носителей БДК крупного рогатого скота — на городище Кент, например, численность КРС в составе стада достигала 34,4 % [Бейсенов, Варфоломеев, 2008, табл. 9]. Все это подталкивало исследователей к заключению об относительно невысокой подвижности населения БДК [Бейсенов, Варфоломеев, 2008, с. 64]. А это отнюдь не вяжется с кочевым образом жизни киммерийцев европейских.

Однако Р. Исмагил [Исмагил, 1998] нашел иной вариант решения этого вопроса, указав, что памятники БДК не составляют единого монокультурного массива, а сравнение бегазинского феномена со скифским позволяет сделать вывод, что бегазинский феномен мог быть, скорее всего, первым известным нам кочевым объединением на территории Казахстана, типологически близким синхронному ему киммерийскому (черногоровскому) и более позднему скифскому объединению раннеклассового типа на юге Восточной Европы.

Иными словами, в рамках БДК сформировались два различных по своему хозяйственному укладу и способу жизни элемента: 1) кочевой скотоводческий («киммерийцы азиатские»); 2) оседлый, ремесленно-земледельческий.

В этом плане мы можем предположить следующее. На рубеже II и I тыс. до н. э. какая-то

группа населения аржанской культуры (судя по всему — кочевого), начала свое движение на запад. Продвигаясь по территории Южной Сибири, это кочевое ядро, как всегда бывает в таких случаях, вовлекло в свою орбиту близкие по языку и образу жизни группы населения, в частности карасукского. На территории Центрального Казахстана они смешались с носителями поздней андроновской культуры, что привело к переходу части андроновцев к кочевому образу жизни.

Эти номады и составили кочевую составную БДК (условно их можно назвать «киммерийцами азиатскими»). В то же время андроновское население, группировавшееся возле источников медной руды и металлургических центров, оставалось оседлым и более «чистым» в этническом плане. Такое предположение хорошо соотносится с выводом Р. Исмагила о полиэтничности и поликультурности БДК.

Достигнув степей Восточной Европы и потеряв на своем длинном пути некоторые зачатки звериного стиля (возможно, под влиянием позднеандоновской культуры, где, судя по керамике, был весьма развит геометрический орнамент, звериный стиль уступил место геометрическому), чужеземцы смешались с местным населением поздней бронзы и положили начало формированию этноса исторических киммерийцев и присущей им культуры.

Если это предположение более или менее верно, из этого вытекает один весьма интересный момент.

Как известно, рубеж черногоровского и новочеркасского этапов киммерийской культуры Восточной Европы ознаменовался киммерийскими вторжениями в страны Передней Азии, что зафиксировано достаточно многочисленными письменными источниками. В это же время усиливается давление киммерийцев на оседло-земледельческое население современной Лесостепной Украины, прежде всего на территорию носителей чернолесской культуры.

Несомненно, основной побудительной причиной этой экспансии киммерийского объединения был поиск объектов внешней эксплуатации с целью получения, прежде всего, таких необходимых каждому кочевому обществу продуктов земледелия и ремесленного производства.

В отличие от своих западных сородичей, азиатские киммерийцы могли решить эту проблему не прибегая к дальним походам, а установив свой контроль (возможно, в виде патроната) над ремесленными центрами Сарыарки (ремесленно-земледельческая составляющая БДК). Нечто подобное происходило в пустынных районах Северной Африки, где кочевники-туареги контролировали расположенные там оазисы, пользуясь изделиями местных ремесленников и продуктами земледелия, прежде всего — сорго.

Результатом движения на запад второй волны носителей культуры скифского типа, которая, судя по материалам курганов Аржан черногоровского времени и Аржан 2 [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010], датируемого самым концом VIII или VII вв. до н. э. [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2004] непрерывно развивалась на территории, примерно соответствующей территории современной Тувы, стало возникновение на юге Восточной Европы скифского объединения, в состав которого вошли и покоренные племена европейских киммерийцев [Мурзин, 2014, с. 15, 33].

Подобная же картина, по нашему мнению, имела место и в казахских степях и на прилегающих к ним территориях. В своем движении на запад носители второй волны культуры скифского типа, вероятно, освоили территории Центральной Азии и, покорив киммерийцев азиатских, включив их в состав своего объединения, положили начало развитию культур сако-массагетского круга.

На территории Казахстана наиболее ранние памятники саков, представлены, как известно, материалами курганов могильника Талды-2 [Бейсенов, 2011] и Золотого Чиликтинского кургана [Черников, 1965].

Суммируя все вышесказанное, еще раз подчеркнем, что хотя многие вопросы относительно взаимосвязи черногоровской культуры и БДК все еще и остаются открытыми, поиск в этом направлении представляется нам весьма перспективным.

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. — 1973. — С. 43—58.

Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакской культуры степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциальных процессов степной Евразии. Тез. докладов Круглого стола, посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан. — Караганда, 2011. — С. 14—20.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. — Алматы, 2008. — 112 с.

Боковенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея во 2—1 тыс. до н. э. // Вопросы археологии Казахстана. — 2011. — Вып. 3. — С. 308—314.

Варфоломеев В.А. Бегазы-дандыбаевский феномен: культура и субкультура // Маргулановские чтения 2011: Материалы Междунар. археол. конф. — Астана, 2011. — С. 50—53.

Грязнов М.П. Аржан. — Л., 1980. — 61 с.

Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х. Курган «Аржан» — могила царя раннескифского времени // Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории. — 1973. — Вып. XVI. — С. 191—204.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1984. — С. 3—23.

Исмагилов Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. — 1998. — № 1. — С. 3—7.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 302 с.

Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 12—19.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979. — 307 с.

Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. — К., 2014. — 119 с.

Новожионов В.А. Заметки по этнокультурной принадлежности племен эпохи бронзы Центральной Азии // Полевые материалы и исследования Кафедры археологии, этнологии и музеологии Казанского НУ им. Аль-Фарби. — 2012. — Вып. II. — С. 44—67.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея. Археологические культуры и этногенез. — СПб, 2002. — 204 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 220 с.

Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». — М., 1965. — 188 с.

Членова Н.Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica. — 1975. — I. — С. 69—80.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. — М., 1997. — 98 с.

Чугунов К.В. Синхронизация культур раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. АС. — Новосибирск, 2006. — Т. II. — С. 69—71.

Сугунов К.В., Parzinger H., Nagler A. Chronologie and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archaeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. — 2004. — Vol. 42. — P. 1—7.

Сугунов К.В., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Arzhan 2 in Tuva. — Mainz, 2010. — 330 S.

В.Ю. Мурзин

КИМЕРИЙЦІ ЄВРОПЕЙСЬКІ ТА КИМЕРИЙЦІ АЗИАТСЬКІ

Протягом тривалого часу кимерійська проблема була далека від свого розв'язання, оскільки, незважаючи на численні спроби, зв'язати дані писемних джерел з конкретним археологічним матеріалом не представлялося можливим.

Віршальним проривом у цьому відношенні стала монографія О.І. Тереножкіна «Киммерийці». Дослідник пов'язав культуру історичних киммерійців із старожитностями X — початку VII ст. до н. е., та поділив її на два послідовних хронологічних етапи — Черногорівський і Новочеркаський.

Поза сумнівом, у формуванні черногорівського культурного комплексу зіграв свою роль досить потужний імпульс зі сходу, який ми відносимо до першої хвилі представників протоскифської культури. Поступово на його основі була сформована і культура новочеркаського типу, яка за своїми ознаками була нібито ізольована від зовнішнього світу.

Її існування було перервано нашестям другої хвилі протоскифів, яке мало місце на початку VII ст. до н. е.

Походження перша хвилі представників протоскіфської культури може бути пов'язане, на наш погляд, з пам'ятками типу кургану Аржан і пам'ятками бегази-дандибаєвської культури Центрального Казахстану, а другий — із старожитностями, найкраще репрезентованими курганом Аржан 2 в Туві.

Ключові слова: кіммерійська культура, скіфська культура, східний імпульс, курган Аржан, курган Аржан 2.

V. Yu. Murzin

THE CIMMERIANS EUROPEAN AND THE CIMMERIANS ASIAN

For a long time Kimmerian problem remained far from a solution, because, despite numerous attempts to link data of written sources with a specific archaeological material was not possible.

The decisive breakthrough in this respect was the monograph of A.I. Terenozhkina «Kimmeritsy».

Academic dated culture of historical Kimmerians 10 — early 7 cent. BC, sharing it into two consecutive chronological stages — chernogorovsky and novocherkassky.

Undoubtedly in shaping of the chernogorovsky complex played a role quite powerful impulse from the east which we attribute to the first wave of representatives of protoskifsky culture. Gradually on its basis was formed the novocherkassk culture which has been isolated from the outside world.

Its existence was interrupted by the invasion of the second wave of proto-Scythians that took place at the beginning of 7 century BC.

The origins of the first wave of representatives of protoskifsky culture should be linked, in our view, with representatives of begazy-dandybaevsky culture of Central Kazakhstan, and the second — with the antiquities, the shape of which is determined by Arzhan 2 in Tuva.

Keywords: Alexey Ivanovich Terenozhkin, Varvara Andreevna Ilinskaya, the Scythians, the expedition.

Одержано 28.02.2017